

На правах рукописи

Коновалова Юлия Игоревна

**РОМАН Ч. ДИККЕНСА «НАШ ОБЩИЙ ДРУГ» В КОНТЕКСТЕ
ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИСКАНИЙ ПИСАТЕЛЯ**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(литература стран германской и романской языковых семей)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2016

Работа выполнена на кафедре зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Филошкина Светлана Николаевна

Официальные оппоненты: **Сомова Елена Викторовна**
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет», кафедра
всемирной литературы, профессор

Кончакова Светлана Валентиновна
кандидат филологических наук, Институт
гуманитарного и социокультурного
образования ФГБОУ ВПО «Тамбовский
государственный университет имени Г. Р.
Державина», кафедра русского языка как
инострannого, доцент

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Пермский государственный
национальный исследовательский
университет»

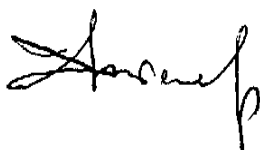
Защита состоится «25» мая 2016 г. В 15.00 на заседании диссертационного совета Д. 212.038.14 в Воронежском государственном университете по адресу: 394006, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 37.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Воронежского государственного университета и на сайте ВГУ по адресу: <http://www.science.vsu.ru/disser>

Автореферат разослан «20» апреля 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Александр Анатольевич Житенев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

При исследовании творчества любого крупного художника слова анализ его творений предполагает их оценку в сопоставлении с предшествующими и последующими произведениями. Эту традицию мы наблюдаем касательно изучения и многотомного наследия Ч. Диккенса, конкретных образцов его прозы – «Приключений Оливера Твиста», «Домби и Сына», «Больших надежд», «Крошки Доррит» и других.

И все-таки именно «Наш общий друг» (1865), последний завершённый роман писателя («Тайна Эдвина Друда», как известно, осталась незаконченной), примечателен особенно настойчивыми стремлениями диккенсоведов, зарубежных и российских, взглянуть на роман в контексте всего творчества знаменитого романиста. Попыткой подвести итог этим наблюдениям и внести в них свою лепту и является предлагаемое диссертационное сочинение.

Актуальность диссертационной работы заключается в необходимости углубления и расширения взгляда на роман Диккенса «Наш общий друг». Потребность в уточнении ряда оценок романа, в новом толковании некоторых его аспектов обусловлена тем, что основные работы о произведении и о творчестве писателя в целом были созданы много десятилетий назад, а то и больше столетия.

Предмет исследования – идейно-художественное своеобразие романа «Наш общий друг», выявляющееся при сопоставлении его с другими произведениями писателя.

Объект и материал исследования – романы «Приключения Оливера Твиста» (Oliver Twist, 1839), «Жизнь и приключения Николаса Никльби» (The Life and Adventures of Nicholas Nickleby, 1839), «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» (The Life and Adventures of Martin Chuzzlewit, 1844), «Торговый дом Домби и Сын, торговля оптом, в розницу и на экспорт» (Dombey and Son, 1848), «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им

самим» (The Personal History, Adventures, Experience and Observation of David Copperfield the Younger of Blunderstone Rookery, 1850), «Холодный дом» (Bleak House, 1853), «Тяжёлые времена» (Hard Times: For These Times, 1854), «Крошка Доррит» (Little Dorrit, 1857), «Большие надежды» (Great Expectations, 1861), «Наш общий друг» (Our Mutual Friend, 1865).

Цель работы: рассмотреть роман «Наш общий друг» на уровне проблематики, системы образов и способов их раскрытия, поисков концепции человеческого бытия в контексте многолетних идейно-художественных исканий писателя.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач:**

1. Выявить своеобразие сюжетно-композиционной организации романа «Наш общий друг» по сравнению с образцами ранней прозы писателя и произведениями зрелого периода.

2. Анализируя конфликтные ситуации в «Нашем общем друге» и систему образов, раскрыть представления писателя о «добре» и «зле».

3. Определить своеобразие психологизма в романе «Наш общий друг» и способы его достижения.

4. Раскрыть обобщенно-символический аспект романа, связанный с образами Темзы и Лондона.

Цель и задачи определили выбор **методики исследования**, в основе которой – сочетание историко-литературного подхода к произведению, культурно-исторического, сравнительно-исторического методов.

Теоретико-методологической основой работы стали исследования по теории литературы: М. М. Бахтина, Л. Я. Гинзбург, В. Д. Днепров, Н. А. Кожевниковой, Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпы, Б. В. Томашевского, В. Н. Топорова, А. Б. Есина; работы по истории Англии и Лондона: Е. Коути, Л. Пикард, П. Акройда; а также труды, посвященные творчеству Диккенса англоязычных и отечественных авторов: Г. К. Честертон, Э. Джонсон, А. Кеттла, Э. Уилсона, М. Энжел, С. Монод, Р. Паттена, В. В. Ивашевой, Т. И.

Сильман, И. М. Катарского, Н. П. Михальской, Н. Л. Потаниной, Е. Ю. Гениевой, Е. В. Сомовой, С. В. Кончаковой и др.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые раскрыта художественная диалектика творчества Ч. Диккенса, проявившаяся в романе «Наш общий друг» (1865), в котором возврат к принципам раннего творчества сочетается с их пересмотром и выходом на обобщенно-философский уровень осмысления действительности.

В ходе **апробации** основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры зарубежной литературы ВГУ, на XX региональной научно-методической конференции «Культура общения и ее формирование» (Воронеж, ВГУ, 8-9 апреля 2013 г.), VI Международной научной конференции «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков» (Санкт-Петербург, Государственная полярная академия, 19-21 февраля 2014 г.), Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2014» (Москва, МГУ, 7-11 апреля 2014), Всероссийской конференции с международным участием «Художественная литература и философия как особые формы познания» (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 22-26 сентября 2014 г.). По теме диссертации опубликовано семь работ, четыре из них – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Научно-практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в курсах истории зарубежной литературы XIX века, спецкурсах по истории и теории английской литературы, творчеству Диккенса, а также в школах, лицеях, гимназиях гуманитарного профиля, средних специальных учебных заведениях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Основное содержание изложено на 134 страницах. Список литературы включает 208 источников, из них 114 на английском языке.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В романе «Наш общий друг» Диккенс отказывается от изображения общества как порочного социального механизма, влияющего на судьбы персонажей, и возвращается к опыту своих ранних произведений, строившихся как история жизни героя, сталкивающегося с индивидуальными носителями «зла». Однако возврат к принципам раннего творчества сочетается с углублением образов и отказом от однолинейности в их трактовке.

2. Критические тенденции в изображении современной Диккенсу действительности проявляются в образе светского общества, намеченном еще в «Холодном доме» и представленном там обобщенно в виде анонимной «хроники», занятой сплетнями. В «Нашем общем друге» происходит ее персонификация. Представители «света» раскрываются не только в неприглядных поступках и реакциях на судьбу бедняков и на драму в семействе главного героя Джона Гармона, но и в примитивном общении между собой, выдающем скудость мысли и обращение к речевым штампам.

3. В «Нашем общем друге» продолжается критика благотворительных обществ, работных домов, но выражается она не в изображении конкретных ситуаций, а устами повествователя и отдельных персонажей, в пафосных речах обличающих власть имущих.

4. Явным достижением Диккенса в «Нашем общем друге» предстает его возросший интерес к внутреннему миру персонажей, что позволяет говорить о психологизме романа, возрастающем благодаря широкому обращению к теме любви. При раскрытии душевного состояния персонажей заметно уменьшается роль комментирующего повествователя, делается ставка не на рассказ о чувствах, а на их показ, благодаря возрастанию опосредованных, косвенных способов изображения.

5. Завоеванием Диккенса в романе «Наш общий друг» являются попытки обобщенно-философского осмысления действительности, раскрывающегося с помощью образов Темзы и Лондона, которые предстают

не просто географическими реалиями или местом действия, а многозначным художественным пространством, связанным с проблемой бытия в целом.

6. В диссертации раскрываются внутренние противоречия романа, обусловленные явной сменой первоначальных замыслов автора в процессе публикации романа отдельными выпусками, а также несоответствием обретенного героями благополучия и мрачного материального пространства, в которое они помещены.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются выбор темы исследования, ее актуальность и научная новизна, определяются цель и задачи работы, дается краткий обзор критической литературы, при этом выявляются полемические моменты, столкновение полярных точек зрения на вопрос о значительности романа, о художественных достижениях автора и его «утратах» по сравнению с другими его романами.

В **первой главе «Роман «Наш общий друг» в контексте социально критических и морализаторских тенденций в творчестве Диккенса»** уточняется, в какой мере и в какой форме в этом произведении нравственно-этическая оценка английского общества связана с выявлением социального несовершенства последнего.

В *первом параграфе «Своеобразие сюжетной организации романа «Наш общий друг» в контексте творчества писателя»* рассматриваются особенности сюжетной организации романа. Ранние романы Диккенса строились как история жизни главного героя, которая составляла центральную сюжетную линию, в зрелых же романах мы наблюдаем множество переплетающихся сюжетных линий, которые идут к одной развязке. «Наш общий друг» также отличается наличием ряда сюжетных линий. В романах зрелого периода сюжетные линии объединены стремлением автора показать общество как систему (Т. И. Сильман). Однако в «Нашем общем друге» автор сосредоточил внимание на изображении частных судеб. Как и в других романах Диккенса, в «Нашем общем друге»

присутствует мотив тайны. Но если в поздних произведениях («Холодный дом», «Крошка Доррит») Диккенс ставил вопрос о более глубоких тайнах, например, о тайне социальных отношений (материальное процветание одних персонажей и нищета других), то в последнем завершённом романе автор возвращается к тайнам отдельных судеб, даже к «тайне переодевания» (Т. И. Сильман), которая служит усилению интриги.

Во *втором параграфе «Проблема «зла» и его носителей в романе «Наш общий друг»»* предметом анализа становятся отрицательные персонажи. Ранние романы строились как история жизни главного героя, который через испытания приходит к благополучию. Социальное зло получало отражение лишь в сюжетных ответвлениях (работный дом в «Оливере Твисте», порочная школьная система в «Николасе Никльби»), в основном же испытания героя определяли отдельные порочные люди. Для их изображения было типично сгущение красок, отсутствие многогранности характера. Диккенс выделял одну-две ведущие черты в образе каждого «злодея» и наделял его отталкивающей внешностью. Сначала отрицательным персонажам сопутствовал успех, а позже их постигало возмездие в виде ужасной смерти.

Сохраняя эти тенденции в романе «Домби и Сын» (фигура Каркера), Диккенс создает и образ фирмы мистера Домби, воплощения мрачной силы, ломающей судьбы персонажей. В романах 1850-х годов возникают и более масштабные обобщающие образы, несущие разрушение: Канцлерский суд в «Холодном доме» и Министерство Волокиты в «Крошке Доррит».

В «Нашем общем друге» Диккенс отказывается от подобных обобщающих образов, но изображение отдельных «злодеев» по сравнению с ранними романами у него в художественном плане обогащается. В своих отрицательных проявлениях носители «зла» предстают более разнообразными. Постигающее их возмездие может иметь и комически-унижающий характер. У кого-то появляется, правда, неиспользованная им, возможность исправиться (Райдергуд). Носитель разрушительного начала

может вызывать и сочувствие. Таков Брэдли Хэдстон. Страдающий от неразделенной любви и потому идущий на преступление, он предстает фигурой трагической.

В *третьем параграфе «Критический пафос романа «Наш общий друг» в изображении «верхушки» общества»* рассматриваются представители «света». Эта тема затрагивалась и в «Холодном доме», где через все повествование проходил образ «светской хроникера», занятой сплетнями, но безликой, практически не персонифицированной, что в «Нашем общем друге» преодолевается. Возникают отдельные фигуры представителей светского общества, которые получают довольно полную характеристику (Типпинз, Вениринги, Подснепы).

Критике светского общества способствует изображение коммуникативных связей его членов. Их лицемерие, лживость, примитивность в процессе общения раскрываются с помощью комментариев повествователя – иронического восхваления, срывания масок и путем самовыражения персонажей в слове.

Примечательно стремление Диккенса уменьшить роль всезнающего автора, который свою оценку светского общества нередко передает ее случайному члену – небогатому Твемлоу, чутко, хотя и растерянно, реагирующему на ложь и лицемерие окружающих.

Четвертый параграф «Проблема «добра» и его истоков. Милосердие индивида в противовес «общественной благотворительности»» посвящен разработке темы «добра» в трактовке Диккенса. Свое критическое отношение к «общественной благотворительности», деятельности дам-патронесс, навязывающих свои нудные наставления беднякам или устремляющих взоры в далекую Африку, писатель отразил еще в «Холодном доме» (образы миссис Джеллиби и миссис Пардигл). Эта тенденция в «Нашем общем друге» продолжается, а также подвергается осуждению школьное воспитание и система образования, оторванные от реальной жизни и способствующие формированию эгоистов и

лицемеров. Примером служит юный Чарли Хэксем, которому чужда благодарность даже по отношению к вырастившей его сестре (образ Чарли перекликается с образом Томаса Грэдграинда в «Тяжелых временах»).

В «Нашем общем друге» продолжается осуждение работных домов, начатое еще в «Оливере Твисте». Но Диккенс идет другим путем, отказываясь от создания обличительных картин «жизни» в работном доме. Он избирает путь риторических обращений к власти имущим устами повествователя, осуждающего систему работных домов, а также устами бедной, но гордой Бетти Хигден, предпочитающей скромный труд, одинокие скитания пребыванию в работном доме.

Лживой и лицемерной «общественной благотворительности» писатель противопоставляет добрые порывы и самоотверженность простого человека, труженика (Бетти Хигден, Лиззи Хэксем, Дженни Рен). Воспеваются бескорыстие и доброта супругов Боффинов, которых не испортило неожиданное получение большого наследства. Усиливается наметившийся и ранее в «Мартине Чезлвите», «Николасе Никльби» мотив христианского милосердия, когда носители «добра» – чаще всего дочери по отношению к неправедным отцам и слуги по отношению к хозяевам – прощают последним их грехи в соответствии с евангельской моралью. Правда, Диккенс не может не признать, что милосердие индивида не всегда способно помочь. Как Аллен Вудкорт слишком поздно привозит сироту Джо в больницу («Холодный Дом»), так и малыш Джонни в «Нашем общем друге» с опозданием попадает к врачам и умирает.

Во второй главе «Психологизм в романе «Наш общий друг» и способы его достижения» проведен анализ особенностей изображения внутреннего мира человека в последнем завершенном романе Диккенса.

В *первом параграфе «Джон Гармон: ситуация «общего друга», проблема выбора»* рассматривается образ главного героя романа. Подчеркивается необычность введения его фигуры: он впервые упоминается не как действующее лицо, а как предмет интереса светского общества. С

Джоном Гармоном связан мотив тайны и переодевания; примечательно, что истинное положение главного героя, все время представляющего незнакомцем, раскрывается для читателя лишь в XIII главе второй книги романа. При этом тайна сохраняется для окружающих персонажей, которых повествователь дразнит намеками, что вносит в повествование эмоциональную напряженность. Переживания главного героя связаны в основном с проблемой выбора. Зная, что его считают погибшим, благодаря чему наследство достается Боффинам, зато страдает предназначенная ему в жены Белла Уилфер, Гармон все время сомневается, как поступить. Тем более что он влюблен в Беллу, а она отвергает его. Сложность психологической ситуации раскрывается с помощью внутренних монологов Джона, реакций Беллы на его непонятное девушке поведение, а также с помощью развернутой метафоры – воображаемой могилы, в которой Джон хоронит себя.

Во *втором параграфе «Юджин Рэйберн: через внутреннюю борьбу к нравственному просветлению»* анализируется фигура героя второй наиболее развитой сюжетной линии. С образом Юджина Рэйберна, в психологическом плане разработанным даже более тонко, нежели образ Джона Гармона, также связана проблема выбора, рожденная неожиданной любовью к Лиззи, девушке из низкого сословия, на которой Юджин как джентльмен не может жениться, но и обольстить которую не хочет.

Происходит постоянное накопление деталей, свидетельствующих о переживаниях Юджина и возрастании в нем борьбы с самими собой, с привычками избалованного светского человека и пробуждением благородных чувств в контрасте между внешним поведением героя – нарочитой легкомысленностью и истинными более сложными порывами. Перерождение Юджина обусловлено сюжетным поворотом – внезапно возникшей угрозой гибели, от которой его спасает Лиззи. В романе возникает намек на первоначальный замысел автора: привести Юджина к смерти. Налицо столкновение противоречивых по эмоциональной окраске образов,

характеризующих состояние персонажа. Выбирая в конечном итоге счастливую развязку, писатель приводит героя к нравственному просветлению, определившему его духовный и брачный союз с простой девушкой, ради которой он преодолевает свои сословные предрассудки.

Третий параграф «Белла Уилфер: выявление подлинной сущности героини» посвящен изображению Беллы в отношениях с матерью и сестрой (постоянные перепалки, капризы), с отцом, которого она нежно любит, с Джоном Роксмитом (секретарем, на самом деле являющимся Джоном Гармоном), которым она пренебрегает, но все больше интересуется. Здесь опять налицо отбор деталей, направленный на изображение дурного влияния исполненной снобизма матери, осторожных попыток секретаря (Гармона) пробудить у Беллы лучшие чувства, нарочитой демонстрации Беллой ее корыстных намерений и ее неприятных ощущений после рассуждений Боффина о необходимости брака по расчету. Налицо контраст между вызывающим внешним поведением и душевным состоянием девушки, что раскрывается при помощи подтекста.

Не избегает Диккенс и прямых самокритичных самооценок Беллы под влиянием Лиззи с ее бескорыстной любовью. В конечном итоге стремление Беллы стать на защиту секретаря от несправедливых нападок притворившегося негодяем Боффина предстает психологически подготовленным.

В четвертом параграфе «Брэдли Хэдстон: любовь и ревность, саморазрушение личности» выявляются разные варианты любви в романе.

Лирическая любовь представлена линиями Джона Гармона и Беллы Уилфер, Юджина Рэйберна и Лиззи Хэксем. Комические проявления любви определяют поведение мисс Пичер и Венуса, достижению комизма служит традиционное для Диккенса обыгрывание лейтмотивов.

Но наибольшей художественной выразительности писатель достигает при изображении трагического варианта любви – переживаний Брэдли Хэдстона. Согласно Э. Джонсону, чувство ревности ранее описывалось

Диккенсом только комически, и лишь в «Нашем общем друге» изображается как страдание. Диккенс называет Брэдли Хэдстона несчастным, рисует его муки с помощью выразительных метафор, физического проявления чувств, целенаправленно изображая поведение персонажа и его внешность отталкивающими. Любовь Хэдстона предстает разрушительным, эгоистическим чувством, в отличие от самоотверженности Тома Пинча («Мартин Чезлвит») и Джона Чивери («Крошка Доррит»), тактичности Хлюпа и бескорыстия Лизи («Наш общий друг»).

Пятый параграф «Психологизм романа «Наш общий друг» в контексте творческих исканий писателя» посвящен сравнению приемов раскрытия внутреннего мира персонажей в романах Диккенса.

Доказывается, что постоянным на протяжении всего творчества писателя является принцип фиксации внешних, физических проявлений чувств. При этом открытые, прямые определения переживаний героев не исключают обращения автора к подтексту, что от романа к роману становится более частым. Для творчества Диккенса характерна высокая активность повествователя, но в «Домби и Сыне» впервые проявляется попытка смягчить оценочность, описательное начало с помощью особого приема: писатель отказывается от своего «всезнания», высказывая только предположения касательно подлинных чувств персонажа, задавая риторические вопросы относительно того, что мог почувствовать персонаж в тот или иной момент, замечал ли он рядом с собой другое существо, сострадал ему или нет. Так, например, раскрывается отношение мистера Домби к маленькой дочери Флоренс, особенно с того момента, как джентльмен из Сити согласился на просьбу кормилицы Поля почаще сводить вместе брата и сестру.

Подобный прием продолжается и в «Холодном доме» и «Крошке Доррит», принимая в последнем из упомянутых романов еще более сложную форму: подлинные чувства героя раскрываются через их активное (а на самом деле притворное) отрицание героем, иронически пересказанное

повествователем. В «Нашем общем друге» этот способ внесения психологической напряженности в повествование разрабатывается более активно и в более сложном виде. Повествователь уже не просто раздумывает о возможных переживаниях персонажа, а делает вид, что он сам о них ничего не знает. Подобным образом описан первый эпизод в романе «Наш общий друг», когда мы видим старика и девушку, плывущих на лодке по Темзе.

Мотив притворства по-своему сохраняется и при изображении светского общества в «Нашем общем друге» для создания атмосферы лжи, лицемерия, взаимного недоверия, скрытых под маской дружелюбия.

В *шестом параграфе* **«Несобственно-прямая речь как средство раскрытия внутреннего мира персонажей в романе Ч. Диккенса «Наш общий друг»** анализируются определения этого способа изложения в словаре «Поэтика» (2008) под редакцией Тмарченко, в монографиях Л. А. Соколовой, Н. А. Кожевниковой, А. А. Андриевской.

Доказывается снижение гегемонии повествователя при помощи приема несобственно-прямой речи. Благодаря этому позиция автора раскрывается более сложным, опосредованным путем, фиксируется переплетение различных точек зрения: автора и персонажа.

При определении несобственно-прямой речи исследователи делают акцент то на речевую контаминацию автора и персонажа, то на совмещение субъектных планов автора и героя как носителей разных точек зрения. Внимание писателя то к стилистически окрашенному слову персонажа в контексте литературной авторской речи, то наоборот, к стилистически не выявленной, но осязаемой в повествовании точки зрения героя создает тонкий художественный эффект.

Эти теоретические рассуждения иллюстрируются в диссертации на примере «Нашего общего друга».

В *третьей главе* **«Обобщенно-символический аспект романа «Наш общий друг» и средства его утверждения»** анализируется стремление

Диккенса к соединению будничного, бытового с вечными началами человеческого бытия.

В *первом параграфе «Образ Темзы в романе «Наш общий друг»»* проанализирована роль центрального образа реки в романе.

На Темзу возложена важная функция в сюжетно-композиционной организации произведения, с ней связаны судьбы многих героев и напряженные коллизии. В социально-бытовом плане река выступает как источник доходов разных персонажей, а также как место преступлений. Разное состояние реки в городе и за его пределами подчеркивает контраст мрачного урбанистического образа жизни и светлого природного начала. Оставаясь географической реалией, Темза как художественный образ обрывает многими смыслами, которые затрагивают разные стороны человеческой существования и бытия как такового. Течение реки символизирует поток мыслей персонажа, смену настроения, изменения в их участии.

Символически воплощая в себе движение жизни, развитие человеческих судеб, Темза, что не раз подчеркивается в романе, устремляется в океан, который означает у Диккенса вечность и смерть. Мотив волн, уносящих человеческую жизнь, впервые прозвучал в «Домби и Сыне» при изображении умирающего Поля. Смерть-океан предстает и как орудие возмездия – тонут Хэдстон, Райдергуд, старик Хэксем, по-разному затронутые пороком. Но река и очищает, способствует духовному перерождению (Юджин Рэйберн).

Второй параграф «Образ Лондона в романе «Наш общий друг»» посвящен изображению города в произведении.

Изображение Лондона, как и прежде, отличается географической точностью и используется в том числе и для характеристики социального статуса персонажей – в зависимости от района английской столицы, в котором они проживают. Широко используется прием олицетворения Лондона, который часто предстает как живое существо, как некое

закрывающее в себе противоречия единство. Плохая погода, преобладающая в городе, подчинена изображению испытаний человека, подчеркиванию его одиночества, сложных переживаний. Отдельные случаи хорошей погоды оттеняют отталкивающее внутреннее состояние отрицательных персонажей или вводят неожиданный сюжетный поворот. Лондон в «Нашем общем друге» связан с темой мусора как проявления внешней непривлекательности города. В то же время тема мусора обретает и символическое звучание, о чем всегда говорили исследователи романа «Наш общий друг». Опираясь на их суждения, мы пытались продолжить осмысление образа мусора. Этот образ в его различных толкованиях (обобщенно-символический, философский смысл, фабульная и метафорическая функция) целенаправленно служит и единству романа.

В Заключении сформулированы выводы из исследования касательно сходства «Нашего общего друга» с остальными произведениями Диккенса и отличия от них. Вместе с тем делается попытка поставить вопрос о противоречиях рассмотренного романа. Они проявляются, во-первых, в авторской трактовке некоторых образов и, во-вторых, в расхождении между стремлением автора к единству и целостности романа и не всегда соответствующим такому стремлению результату.

Психологически не обоснованы действия ряда второстепенных персонажей, например Венуса, который сначала вступает в союз в проходимцем Веггом и соглашается ограбить Боффина, но затем неожиданно отказывается от своего замысла. Точно так же Райя верно служит порочному Фледжби, но по отношению к Дженни Рен и Лиззи предстает заботливым и благородным. Подобная ситуация возможна, но автор отказывается от изображения внутренних мотивов поведения персонажа. Наиболее показателен образ Боффина. Писатель предлагает нам поверить, что Боффин только притворяется корыстным, скупым человеком по отношению к Джону Гармону, чтобы пробудить у Беллы сочувствие к молодому человеку и, возможно, любовь. Но во многих ситуациях, даже наедине с собой, Боффин

действительно предстает расчетливым и корыстным. Каков же он на самом деле? Известно, что роман печатался отдельными выпусками, и нельзя исключить, что замысел писателя от выпуска к выпуску мог меняться. И это стало результатом явных противоречий в поведении Боффина.

Обратимся и ко второму моменту – к расхождению между явным стремлением автора к целостности романа и ее нарушению.

Очевидна попытка Диккенса в целях достижения единства романа найти опору в неких подчеркнута формальных приемах. К ним относятся, например, сквозные, проходящие через весь роман лейтмотивы смерти – реальной и мнимой, реального и мнимого воскрешения (этими лейтмотивами пронизаны судьбы и образы большинства действующих лиц романа). В то же время писатель вводит в повествование как вариант своеобразных «скрепов» постоянно повторяющееся слово «друг» (в оригинале романа оно звучит 359 раз!). При этом при изображении симпатичных автору персонажей понятие «друг» употребляется в прямом значении этого слова. В других (многочисленных) случаях оно обрывается разными смыслами, служит созданию иронического, сатирического, комического эффектов. Это придает повествованию своего рода игровой характер, обнаруживая смену авторской интонации, и в конечном итоге служит целостности произведения.

Но последняя нарушается отмечаемым многими критиками (Джонсон, Адриан) несоответствием благополучной для положительных героев развязки романа и тягостного впечатления от произведения в целом. Столкновение в романе созидательных и разрушительных сил обнаруживает преимущественную активность последних. Счастье, которое обретают положительные персонажи произведения, объективно несовместимо с мрачным и грубым материальным пространством, в которое автор их помещает. И это еще одно противоречие романа, как и образ Боффина и других.

На серьезные размышления наталкивает тезис Э. Уилсона о том, что Диккенс стремился создать произведение, отражающее жизнь английского

общества, как и в прежних произведениях, но увлекся проблемой психологизма и не смог органично соединить эти две цели.

Чтобы углубить и развернуть мысль Уилсона, следует взглянуть на «Наш общий друг» уже в контексте последующих достижений английской литературы – в творчестве Дж. Элиот, Дж. Мередита, Т. Гарди. Но это задача специального исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

в изданиях, рецензируемых ВАК:

1. Коновалова Ю. И. Роман Ч. Диккенса «Наш общий друг» в оценке критики / Ю. И. Коновалова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2014. – №1. – С. 49-52.

2. Коновалова Ю. И. Образ Темзы в романе Ч. Диккенса «Наш общий друг» / Ю. И. Коновалова // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2015. – №4 (144). – С. 129-133.

3. Коновалова Ю. И. Персонажи-носители зла в произведениях Ч. Диккенса (роман «Наш общий друг» в контексте творчества писателя) / Ю. И. Коновалова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2015. – №3. – С. 42-46.

4. Коновалова Ю. И. Несобственно-прямая речь как стилистическое средство раскрытия внутреннего мира персонажей в романе Ч. Диккенса «Наш общий друг» / Ю. И. Коновалова // Казанский педагогический журнал. – Казань, 2015. – №5 (112), часть 1. – С. 212-214.

в других изданиях:

5. Коновалова Ю. И. Проблема общения в романе Ч. Диккенса «Оливер Твист» / Ю. И. Коновалова // Культура общения и ее формирование: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: Издательство «Истоки», 2013. – Вып. 27. – С. 188-190.

6. Коновалова Ю. И. Проблема психологизма в романе Ч. Диккенса «Наш общий друг» / Ю. И. Коновалова // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: Статьи и материалы пятой международной научной конференции. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 327-331.

7. Коновалова Ю. И. Представители Лондонского «Общества» в их внутренних и внешних контактах / Ю. И. Коновалова // Культура общения и ее формирование: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: Издательство «Истоки», 2015. – Вып. 31. – С. 35-38.